

ДЕНУНЦИАЦИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-5-12>

Денунциация (доносительство) становится все более актуальным юридическим вопросом в связи с международным признанием необходимости защиты информаторов о коррупции и развитием соответствующего законодательства в зарубежных странах. Предметом настоящей статьи являются правовые аспекты денунциации, подвергнутой изучению в целях формирования правового взгляда на концепт денунциации и основные проблемы, препятствующие ее развитию как правовой институт. В основу методологического подхода был положен доктринальный анализ концепта денунциации и сравнительно-правовой подход к изучению данного явления на основе опыта ряда зарубежных стран. Новизной исследования является постановка вопроса о внутренней противоречивости денунциации как социального института, имеющего прикосновенность к праву, но дистанцированного от формально-юридического аспекта доносительства. Концептуальные проблемы денунциации раскрываются в статье в контексте трех основных направлений правового регулирования: защиты информатора, действий органов публичной власти в связи с денунциацией и вознаграждения информатора. В статье раскрыт информационный смысл денунциации, не являющейся по своему существу юридически значимым свидетельствованием о фактах правонарушений, а также выявлены причины фрагментарности правового регулирования денунциации, связанные с юридической неоднозначностью и противоречивостью заложенных в ней механизмов.

ТРОФИМОВ

Егор Викторович

доктор юридических наук,
доцент, заместитель директора
по научной работе Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Санкт-Петербург)

diterihs@mail.ru

БАТИЩЕВА

Наталья Анатольевна

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Санкт-Петербург)

nbatisheva@yandex.ru

АЛЕКСЕНКО

Александра Александровна

младший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Санкт-Петербург)

aleksenkoaleksandra@gmail.com

**Денунциация;
доносительство;
информатор;
противодействие коррупции**

Egor V. TROFIMOV

Doctor of Legal Sciences, Deputy
Director for Research, St. Petersburg
Institute (Branch) of All-Russian State
University of Justice (St. Petersburg)

diterihs@mail.ru

LEGAL NOTION AND MAIN PROBLEMS OF DENUNCIATION

Denunciation (whistle-blowing) is becoming an increasingly urgent legal issue in connection with the international recognition of the need to protect anti-corruption whistleblowers and the development of relevant legislation in foreign countries. The subject of this article is the legal aspects of denunciation,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-011-00729.

Natalya A. BATISHCHEVA

Candidate of Historical Sciences,
Researcher, St. Petersburg Institute
(Branch) of All-Russian State
University of Justice (St. Petersburg)
nbatisheva@yandex.ru

Alexandra A. ALEKSENKO

Junior Researcher, St. Petersburg
Institute (Branch) of All-Russian State
University of Justice (St. Petersburg)
aleksenkoaleksandra@gmail.com

which have been studied for development the legal view of denunciation and its main problems that hinder it to become a legal institution. The methodological approach was based on the doctrinal analysis of the concept of denunciation and a comparative legal approach to the study of this phenomenon. The novelty of the research is the posing of the question of the internal inconsistency of denunciation as a social institution that has connections with law, but is distanced from formalism. In the article conceptual problems of denunciation are disclosed in the context of three main areas of legal regulation: protection of whistleblowers, actions of public authorities because of denunciations and remuneration of whistleblowers. The article reveals the informational meaning of denunciation, which is not in its essence legally significant evidence of the facts of offenses, and also reveals the reasons for the fragmentation of the legal regulation of denunciation associated with the legal ambiguity and inconsistency of the mechanisms laid down in it.

**Denunciation;
disclosure;
whistleblower;
anti-corruption**

В 2010 г. на пятом саммите в Сеуле страны G20 приняли на себя обязательство к концу 2012 г. принять и реализовывать правила по защите лиц, добросовестно сообщающих о предполагаемых актах коррупции, в целях их защиты от дискриминации и репрессивных мер [1]. В России в 2013 г. Указом Президента РФ были введены нормы, допускавшие привлечение к дисциплинарной ответственности служащих государственных органов и ряда государственных организаций, сообщивших о фактах коррупции, за проступки, совершенные в течение одного года со дня такого сообщения, только с согласия комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов и при уведомлении прокурора, а также обязавшие участников государственной системы бесплатной юридической помощи оказывать бесплатную юридическую помощь гражданам в подготовке сообщений о фактах коррупции, а также в случаях нарушения законных прав и интересов граждан в связи с такими сообщениями [2]. После этого, несмотря на наличие нескольких законопроектов, регулирование вопросов денунциации в России приостановилось.

Денунциация (доносительство) – явление не новое, однако в русскоязычной литературе все еще не удалось подобрать такой термин, который адекватно передавал бы смысловую нагрузку этого понятия. Это справедливо и для обозначения доносчиков как лиц, не просто информирующих о фактах коррупции, но с подчеркиванием факта защиты этими лицами общественных интересов [3, с. 126].

Институт денунциации неплохо исследован в исторической ретроспективе [4, с. 9–14; 5; 6, с. 123–127],

в социально-психологическом [7, с. 63–79], социолингвистическом [8, с. 1163–1175; 9, с. 483–492], этическом [10, с. 58–64; 11, с. 6–20] и психологическом аспектах [12, с. 1018–1027]. Ряд работ посвящен правовым аспектам положения и деятельности информатора [13, с. 79–85; 14, с. 5–13; 15, с. 85–88], а также недоносительству [16, с. 156–159; 17, с. 163–171; 18; 19, с. 126–128].

В данной работе мы будем оперировать термином «денунциация» в отношении общественно полезного доноса, а также термином «информатор», считая его синонимом терминов «заявитель», «доносчик», «осведомитель» и наделяя его отличительным признаком предоставления информации о правонарушениях (прежде всего коррупционных) в адрес компетентных органов. Совокупность правовых средств поддержки, защиты и стимулирования информаторов, функционирования каналов предоставления информации также обобщенно в настоящей работе обозначается как «институт денунциации». Некая вольность обращения с терминологией оправдывается целью определить содержание и основные проблемы денунциации, а также тем, что как оформленный правовой институт денунциация в нашей стране неизвестна [20, с. 700].

Источником термина «денунциация» являются латинский язык и римское право (лат. *denunciatio*), и этот термин обычно переводится на русский язык как «уведомление» или «извещение». Термин использовался и в обиходе, и в римском праве в качестве обозначения некоего сообщения частного лица, которое являлось не юридическим действием, а чем-то, что его предвеляет: например, уведомление о подаче

гражданского иска, извещение о необходимости явки в суд, а в публичном суде – сообщение о преступлении без надлежащего обвинительного заявления. В этом смысле денунциация ближе к современному термину «информатор», которым мы и пользуемся в настоящей работе.

Под денунциацией целесообразно понимать акт информирования физическим лицом (информатором) компетентных органов и должностных лиц о совершении противоправного или недобросовестного деяния, носящий только информационный, а не юридический характер. Смысл денунциации в том, чтобы раскрыть в адрес компетентного субъекта неизвестную ему информацию относительно недопустимых фактов. Денунциация, не являясь свидетельствованием, запускает механизмы сбора и проверки сведений, которые в дальнейшем в качестве доказательств могут быть положены в основу дел о привлечении виновных к ответственности.

В определенной мере информатор остается за рамками правового регулирования. Его участие в юридических процедурах может вообще исключаться, поскольку денунциация дает прежде всего информационный, а не формально-юридический повод для охранительной активности органов публичной власти. В этом коренится основополагающая проблема правового регулирования института денунциации, поскольку сложно выразить формально-юридически и урегулировать процедурно те явления и процессы, которых в юридическом отношении не вполне состоятельны, а касаются больше информационно-управленческой ситуации. Например, в том же римском праве помимо денунциации существовал институт «делаториев» (лат. *delatores*), и этот термин переводят на русский язык как «информаторы»; делатории в качестве заявителей выступали с обвинением, возбуждая уголовное преследование.

Эта специфика денунциации как социально-правового института (конечно, наряду с социально-психологическими и этическими сложностями) является существенным сдерживающим фактором в развитии правового регулирования денунциации. Не случайно, что опыт правового регулирования денунциации не отличается полнотой и системностью, а фрагментирован на несколько довольно известных проблем, которые в последние десятилетия приобрели особую остроту в связи с развитием международных и национальных средств противодействия коррупции. К таким важнейшим вопросам, в отношении которых предпринимаются попытки правового урегулирования, относятся:

- 1) защита информатора;
- 2) действия органов публичной власти в связи с денунциацией;
- 3) вознаграждение информатора.

Защита информатора принципиально основывается на положениях Конвенции ООН против коррупции 2003 г. [21]. Статья 13 «Участие общества» данной Конвенции предусматривает обязательство государств-участников принимать меры для уважения, поощрения и защиты свободы поиска, получения, опубликования и распространения информации о коррупции, оговаривая, что при этом законом могут устанавливаться определенные ограничения этой свободы, необходимые для уважения прав или репутации других лиц, защиты национальной безопасности, или публичного порядка, или охраны здоровья или нравственности населения. Согласно ст. 33 «Защита лиц, сообщающих информацию» упомянутой Конвенции каждое государство-участник рассматривает возможность включения в свою внутреннюю правовую систему надлежащих мер для обеспечения защиты любых лиц, добросовестно и на разумных основаниях сообщающих компетентным органам о любых фактах, связанных с преступлениями, признанными таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, от любого несправедливого обращения. Однако никаких конкретных защитных мер Конвенция не предусматривает.

Наиболее распространенная мера защиты – это конфиденциальность; она предусмотрена, например, ст. 16 Директивы (ЕС) 2019/1937 Европейского парламента и Совета ЕС от 23 октября 2019 г. «О защите лиц, сообщающих о нарушениях законодательства Союза» [22] и Законом США о реформе гражданской службы 1978 г. [23] Но в данном пункте, который действительно является самым надежным средством защиты, содержится внутреннее противоречие. Наиболее разумным вариантом сохранения конфиденциальности является, безусловно, анонимная денунциация. Однако она таковой быть не может, поскольку информатор должен быть добросовестным и осведомленным лицом, а значит, лицом, ответственно сообщаящим информацию; а компетентные органы должны оценить эту информацию, в том числе с точки зрения ее источника, чтобы исключить безответственный поклеп. Известность личности информатора компетентным органам чревата конфликтом между «слабым» законодательством о денунциации и «сильным» уголовно-процессуальным законодательством, которое может вынудить лицо стать из информатора свидетелем. Типичным правовым регулированием такой ситуации является умолчание о ней, что автоматически делает возможным полноценное вовлечение информатора в расследование в качестве свидетеля с применением уже весьма специфических механизмов защиты свидетелей, потенциально угрожающих для информатора изменением всего образа жизни. В частности, названная Директива (ЕС) 2019/1937 устанавливает, что раскрытие личности информатора должно быть воз-

возможным только в том случае, если это является необходимым и соразмерным обязательством в соответствии с законодательством Союза или национальным законодательством в контексте расследований, проводимых властями или судебных разбирательств, в частности, для обеспечения прав на защиту заинтересованных лиц. Формулировка сложная, но вывод из нее один: поскольку в уголовном процессе не сделано изъятий для информаторов, их личность может быть раскрыта, причем (об этом прямо упоминает названная директива) и для обеспечения предполагаемому нарушителю права на защиту. Кстати, ст. 19 названной Директивы подробно описывает множество мер возмездия, от которых следует защищать информатора, однако не устанавливает, какими мерами это следует делать. Отсутствует определенность на этот счет и в Рекомендациях CM/Rec(2014)7 Комитета министров от 30 апреля 2014 г. [24].

Решение, к которому иногда прибегают в национальном правовом порядке, чтобы снять это противоречие, – отказ от регулирования конфиденциальности денунциации. Такой подход реализован, в частности, в Законе США о защите информаторов 1989 г. [25] и британском Акте о раскрытии информации в публичных интересах 1998 г. [26]. Однако в Палате общин уже прошел второе чтение билль, который вводит гарантию анонимности для информаторов [27].

Другое решение – введение, напротив, анонимности, как это сделано, например, в Бразилии [28] и Албании [29]. Это законодательное решение, которого сознательно избегают во многих странах, создает обстановку безответственности в отношении раскрытия информации о нарушениях, что в принципе не согласуется с Конвенцией ООН против коррупции. Кроме того, при таком регулировании утрачивается сама фигура информатора, так что вести речь о денунциации в таком случае вряд ли вообще возможно.

Касательно обязательств компетентных органов, к которым обращены сообщения информатора, ст. 13 Конвенции ООН против коррупции устанавливает правило, согласно которому каждое государство-участник обеспечивает населению доступ к органам по противодействию коррупции для представления им сообщений, в том числе анонимно, о любых случаях, которые могут рассматриваться в качестве представляющих собой какое-либо из преступлений, признанных таковыми в соответствии с данной Конвенцией. В этой статье ведется речь не только о денунциации, поэтому ее применение к информаторам остается на усмотрение государств-участников, и правовое регулирование действий органов публичной

власти в связи с денунциацией заведомо оказывается противоречивым. В отсутствие обычного сообщения о преступлении компетентные органы вынуждены проводить расследование по фактам, раскрытым информатором, во внепроцессуальном порядке, избегая при этом раскрытия личности информатора. Суть данной проблемы можно продемонстрировать на примере той же Директивы (ЕС) 2019/1937. Ее ст. 7 требует, чтобы до денунциации информаторы сделали внутренний, внешний или публичный отчет по поводу сообщаемых нарушений. После этого подробно прописанные в ст. 11 Директивы меры по сохранению конфиденциальности в процессе взаимодействия с информатором утрачивают смысл, поскольку в процессе проверки информации нарушитель, как правило, узнает о проводимом расследовании и, зная вышеуказанное правило, легко идентифицирует информатора как автора ранее подготовленного отчета, касающегося этих нарушений.

Понимая неоднозначность правовой ситуации, в которой оказывается информатор, в ряде государств приняты меры к вознаграждению информаторов – очевидно, с целью стимулировать денунциацию. Первым подобным законодательным актом считается Закон США о фальсификации правоприязнаний 1863 г. [30], который реализовал доктрину *qui tam*. На сегодняшний день выплата вознаграждений введена во многих странах, например в Южной Корее [31], Украине [32] и Казахстане [33]. Вместе с тем такое решение имеет ряд очевидных недостатков: 1) только незначительная часть информаторов получает компенсацию; 2) нет эмпирических данных, свидетельствующих об увеличении числа и качества раскрытия информации, полученной от информаторов; 3) введение стимулов сопровождается введением сложной и дорогостоящей процедуры [34, с. 3–6]. Кроме того, считается, что подобные решения провоцируют недобросовестные практики со стороны самих информаторов [35, р. 1261–1282]. И, конечно, возможность получения вознаграждения ставит под вопрос как добросовестность информатора, так и его личную незаинтересованность (действие в общественных интересах).

Комплекс названных, а также сопутствующих им проблем является серьезным препятствием для надлежащего урегулирования денунциации. Для оценки перспективности данного института в России необходимо не только учесть отечественного опыта в этой области, но и сравнительно-правовые исследования, касающиеся зарубежных регулятивных практик. Без этого нарождающееся правовое регулирование денунциации не станет эффективным.

Пристатейный библиографический список

1. Анतिकоррупционный план действий «Группы двадцати»: приложение III к Декларации саммита «Группы двадцати» (12 ноября 2010 г.) // Президент России : сайт. URL: <http://kremlin.ru/supplement/771> (дата обращения: 16.06.2021).
2. Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1670.
3. *Шеввердяев С. Н.* Концептуальные пробелы в системе российского антикоррупционного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1.
4. *Булдыгерова Л. Н., Даруда М. Ю.* Правовое регулирование доноса в России (XIV–XIX вв.) // Инновационное развитие современной юридической науки : материалы III всероссийского научно-практического конкурса молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященного памяти проф. А. П. Лончакова. Хабаровск : ТОГУ, 2019.
5. *Игнатов В. Д.* Доносчики в истории России и СССР. М. : Вече, 2014.
6. *Чекурда Е. А.* Зарождение и развитие института профессиональных обвинителей в Древнем Риме на рубеже II–I вв. до н.э. // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2012. № 11.
7. *Нехамкин В. А.* Донос как социально-экономический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7. № 2.
8. *Владимирова Л. В., Бузанова Т. В.* Конкуренция лексем стукач и доносчик в русском языке // Ученые записки казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 5.
9. *Шапир М. И.* Донос : социолингвистический аспект : Игра словами как средство языковой политики // Логический анализ языка : Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2006.
10. *Зимбули А. Е.* Сплетня и донос: этический анализ // Символ науки. 2015. № 7.
11. *Макаренко В. А.* Феномен доноса в контексте государственного цинизма // Политическая концептология. 2014. № 4.
12. *Смирнов А. В., Духновский С. В., Гвардыченко В. В.* Психологический симптомокомплекс личности информатора // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4.
13. *Михневич А. В., Малышев Н. Д.* Информатор : Иуда настоящего времени или спаситель человечества? // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 1.
14. *Сабитов Р. А.* Правовое стимулирование сообщений о коррупции // Виктимология. 2017. № 4.
15. *Сухов Э. В.* Неопределенность правового положения «информаторов» за вознаграждение в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4.
16. *Амельчаков О. И.* Несообщение о преступлении в отечественном уголовном законодательстве // Социально-политические науки. 2017. № 5.
17. *Клименко Ю. А.* Несообщение о преступлении (статья 205.6 УК РФ) : юридическая природа, соотношение с укрывательством и соучастием в терроризме // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9.
18. *Крутикина Ю. А.* Уголовная ответственность за несообщение о преступлении : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
19. *Петрикова С. В.* Уголовная ответственность за несообщение о преступлении // Социально-политические науки. 2017. № 1.
20. *Волосова Н. Ю., Журкина О. В.* К вопросу о программе защиты разоблачителей (информаторов) по делам коррупционной направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 5.
21. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.
22. Directive (EU) 2019/1937 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2019 on the Protection of Persons Who Report Breaches of Union Law // EUR-Lex : сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/1937/oj> (дата обращения: 16.06.2021).
23. An Act to Reform the Civil Service Laws: Public Law 95-454 [S. 2640], 13 October 1978 (Civil Service Reform Act of 1978) // 92 Stat. 1111.
24. Recommendation CM/Rec(2014)7 of the Committee of Ministers to Member States on the Protection of Whistleblowers: adopted by the Committee of Ministers on 30 April 2014, at the 1198th meeting of the Ministers' Deputies // Council of Europe : сайт. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805c5ea5 (дата обращения: 16.06.2021).
25. An Act to Amend Title 5, United States Code, to Strengthen the Protections Available to Federal Employees Against Prohibited Personnel Practices, and for Other Purposes: Public Law 101-12, 10 April 1989 [S. 20] (Whistleblower Protection Act of 1989) // 103 Stat. 16.

26. An Act to Protect Individuals Who Make Certain Disclosures of Information in the Public Interest; to Allow Such Individuals to Bring Action in Respect of Victimisation; and for Connected Purposes: UK Public General Act 1998 c. 23 [2 July 1998] (Public Interest Disclosure Act 1998) // Legislation.gov.uk : сайт. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/23> (дата обращения: 16.06.2021).

27. A Bill to Provide Protections for Whistleblowers; to Create Offences Relating to the Treatment of Whistleblowers and the Handling of Whistleblowing Cases; to Establish an Independent Body to Protect Whistleblowers and Whistleblowing, in Accordance with the Public Interest; to Make Provision for That Body to Set, Monitor and Enforce Standards for the Management of Whistleblowing Cases, to Provide Disclosure and Advice Services, to Direct Whistleblowing Investigations and to Order Redress of Detriment Suffered by Whistleblowers; to Repeal the Public Interest Disclosure Act 1998; and for Connected Purposes: Bill 0021 2019-21 (as introduced) 15 July 2020 (Public Interest Disclosure (Protection) Bill) // UK Parliament : сайт. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/bills/cbill/58-01/0021/200021.pdf> (дата обращения: 16.06.2021).

28. Ley No. 13964, de 10 de Dezembro de 2019, Aperfeiço a legislação penal e processual penal // Planalto : сайт. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2019-2022/2019/Lei/L13964.htm (дата обращения: 16.06.2021).

29. Ligj Nr. 60/2016 datë 2.6.2016 "Për sinjalizimin dhe mbrojtjen e sinjalizuesve" // Fletorja Zyrtare e Republikës së Shqipërisë. 2016. Nr. 115.

30. False Claims Act on 2 March 1863 // 12 Stat. 696.

31. Закон Республики Корея от 29 февраля 2008 г. № 8878 «О предотвращении коррупции, учреждении управления комиссии по борьбе с коррупцией и гражданским правам и управлению ею» // Anti-Corruption and Civil Rights Commission : сайт. URL: <http://www.acrc.go.kr/en/data/1.0.ACRC%20Act.pdf> (дата обращения: 16.06.2021).

32. Закон України від 17.10.2019 № 198-IX «Про внесення змін до Закону України «Про запобігання корупції» щодо викривачів корупції» // Відомості Верховної Ради України. 2019. № 50. Ст. 356.

33. Постановление Правительства Республики Казахстан от 4 февраля 2020 г. № 32 «О внесении изменения в постановление Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2015 г. № 1131 «Об утверждении Правил поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в противодействии коррупции»» // Главные новости Казахстана : сайт. URL: <https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo-respubliki-kazahstan-premer-ministr-rk/natsionalnaya-bezopasnost/id-P2000000032/> (дата обращения: 16.06.2021).

34. Сидоренко Э. Л. Информирование о фактах коррупции : правовые стимулы и гарантии защиты (зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 5.

35. Helmer J. B., Jr. False Claims Act: Incentivizing Integrity for 150 Years for Rogues, Privateers, Parasites and Patriots // University of Cincinnati Law Review. 2013. Vol. 81 (4).

References

1. G20 Anti-Corruption Action Plan: Appendix III to the G20 Summit Declaration, 12 November 2010. URL: <http://kremlin.ru/supplement/771> (date of application: 16.06.2021).

2. Decree of the President of the Russian Federation of 2 April 2013 No. 309 "On Measures to Implement Certain Provisions of the Federal Law 'On Combating Corruption'". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2013. No. 14. Art. 1670.

3. Sheverdiaev S. N. Conceptual Gaps in the System of Russian Anti-Corruption Legislation. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2020. No. 1.

4. Buldygerova L. N., Daruda M. Iu. Legal Regulation of Denunciation in Russia (14th–19th Centuries). In *Innovative Development of Modern Legal Science: Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Competition of Young Scientists, Graduate Students and Students, Dedicated to the Memory of Professor A. P. Lonchakov*. Khabarovsk: Pacific State University Publ., 2019.

5. Ignatov V. D. Scammers in the History of Russia and the USSR. Moscow: Veche, 2014.

6. Chekurda E. A. The Origin and Development of the Institution of Professional Prosecutors in Ancient Rome at the Turn of the 2nd – 1st Centuries BC. *Bulletin of the Samara State University of Economics*. 2012. No. 11.

7. Nekhamkin V. A. Denunciation as a Socio-Economic Phenomenon (from the Domestic Experience of the 1930s). *Historical Psychology and Sociology of History*. 2014. Vol. 7. No. 2.

8. Vladimirova L. V., Buzanova T. V. Competition of Lexemes Informer and Informer in Russian. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2018. Vol. 160. No. 5.

9. Shapir M. I. Denunciation: The Sociolinguistic Aspect: Playing with Words as a Means of Language Policy. In *Arutiunov N.D. (ed.). Logical Analysis of Language: Conceptual Fields of the Game*. Moscow: Indrik, 2006.

10. Zimbuli A. E. Gossip and Denunciation: Ethical Analysis. *Symbol of Science*. 2015. No. 7.
11. Makarenko V. A. The Phenomenon of Denunciation in the Context of State Cynicism. *Political Conceptology*. 2014. No. 4.
12. Smirnov A. V., Dukhnovskii S. V., Gvardychenko V. V. Psychological Symptom Complex of the Informant's Personality. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2020. Vol. 22. No. 4.
13. Mikhnevich A. V., Malyshev N. D. Informant: Judas of the Present or the Savior of Mankind? *Advances in Modern Science*. 2017. Vol. 6. No. 1.
14. Sabitov R. A. Legal Stimulation of Messages About Corruption. *Victimology*. 2017. No. 4.
15. Sukhov E. V. Uncertainty of the Legal Status of "Informants" for Remuneration in the Russian Federation. *Gaps in Russian Legislation*. 2018. No. 4.
16. Amelchakov O. I. Failure to Report a Crime in Domestic Criminal Law. *Socio-Political Science*. 2017. No. 5.
17. Klimentko Iu. A. Failure to Report a Crime (Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation): Legal Nature, Correlation with Concealment and Complicity in Terrorism. *Actual Problems of Russian Law*. 2017. No. 9.
18. Krutikina Iu. A. Criminal Liability for Failure to Report a Crime: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2020.
19. Petrikova S. V. Criminal Liability for Failure to Report a Crime. *Socio-Political Science*. 2017. No. 1.
20. Volosova N. Iu., Zhurkina O. V. On the Program for the Protection of Whistleblowers (Informants) in Cases of Corruption. *All-Russian Criminological Journal*. 2018. Vol. 12. No. 5.
21. United Nations Convention against Corruption: adopted by the UN General Assembly resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session, 31 October 2003, New York. *Bulletin of International Treaties*. 2006. No. 10.
22. Directive (EU) 2019/1937 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2019 on the Protection of Persons Who Report Breaches of Union Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/1937/oj> (date of application: 16.06.2021).
23. An Act to Reform the Civil Service Laws: Public Law 95-454 [S. 2640], 13 October 1978 (Civil Service Reform Act of 1978). 92 *Stat.* 1111.
24. Recommendation CM/Rec(2014)7 of the Committee of Ministers to Member States on the Protection of Whistleblowers: adopted by the Committee of Ministers on 30 April 2014, at the 1198th meeting of the Ministers' Deputies. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805c5ea5 (date of application: 16.06.2021).
25. An Act to Amend Title 5, United States Code, to Strengthen the Protections Available to Federal Employees Against Prohibited Personnel Practices, and for Other Purposes: Public Law 101-12, 10 April 1989 [S. 20] (Whistleblower Protection Act of 1989). 103 *Stat.* 16.
26. An Act to Protect Individuals Who Make Certain Disclosures of Information in the Public Interest; to Allow Such Individuals to Bring Action in Respect of Victimization; and for Connected Purposes: UK Public General Act 1998 c. 23 [2 July 1998] (Public Interest Disclosure Act 1998). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/23> (date of application: 16.06.2021).
27. A Bill to Provide Protections for Whistleblowers; to Create Offences Relating to the Treatment of Whistleblowers and the Handling of Whistleblowing Cases; to Establish an Independent Body to Protect Whistleblowers and Whistleblowing, in Accordance with the Public Interest; to Make Provision for That Body to Set, Monitor and Enforce Standards for the Management of Whistleblowing Cases, to Provide Disclosure and Advice Services, to Direct Whistleblowing Investigations and to Order Redress of Detriment Suffered by Whistleblowers; to Repeal the Public Interest Disclosure Act 1998; and for Connected Purposes: Bill 0021 2019-21 (as introduced) 15 July 2020 (Public Interest Disclosure (Protection) Bill). URL: <https://publications.parliament.uk/pa/bills/cbill/58-01/0021/200021.pdf> (date of application: 16.06.2021).
28. Law No. 13964 of 10 December 2019 "Improves Criminal Law and Criminal Procedure". URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2019-2022/2019/Lei/L13964.htm (date of application: 16.06.2021).
29. Law No. 60/2016 of 2 June 2016 "On Signaling and Protection of Signalers". *Official Gazette of the Republic of Albania*. 23 June 2016. No. 115.
30. False Claims Act on 2 March 1863. 12 *Stat.* 696.
31. Law of the Republic of Korea of 29 February 2008 No. 8878 "On the Prevention of Corruption and the Establishment and Management of the Anti-Corruption and Civil Rights Commission". URL: <http://www.acrc.go.kr/en/data/1.0.ACRC%20Act.pdf> (date of application: 16.06.2021).
32. Law of Ukraine of 17 October 2019 No. 198-IX "On Amendments to the Law of Ukraine 'On Prevention of Corruption' Concerning Detectors of Corruption". *Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine*. 2019. No. 50. Art. 356.
33. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan of 4 February 2020 No. 32 "On Amending the Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan of 30 December 2015 No. 1131 'On Approval of the Rules

for Encouraging Persons Who Reported the Fact of a Corruption Offense or Otherwise Assisting in Combating Corruption". URL: <https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo-respubliki-kazahstan-premer-ministr-rk/natsionalnaya-bezopasnost/id-P2000000032/> (date of application: 16.06.2021).

34. *Sidorenko E. L.* Informing About the Facts of Corruption: Legal Incentives and Guarantees of Protection (Foreign Experience). *International Criminal Law and International Justice*. 2015. No. 5.

35. *Helmer J. B., Jr.* False Claims Act: Incentivizing Integrity for 150 Years for Rogues, Privateers, Parasites and Patriots. *University of Cincinnati Law Review*. 2013. Vol. 81 (4).